

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 82

ТРАДИЦИИ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В ТВОРЧЕСТВЕ А.А. ЗИНОВЬЕВА

© 2010 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ruslitXX@list.ru

Поступила в редакцию 14.09.2009

Рассматриваются традиции «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина в творческом наследии А.А. Зиновьева. Делается вывод о том, что есть существенные сходства в проблематике и поэтике произведений этих писателей.

Ключевые слова: традиции, сатира, государство, личность, антиутопия, образ города.

«Соедините Щедрина, Бердяева и Высоцкого, и вы, возможно, получите известное представление о Зиновьеве», – пишет Е. Амбарцумов в начале интервью с А. Зиновьевым [1, с. 310]. Действительно, можно утверждать, что А. Зиновьев в литературе XX века стал, пожалуй, самым талантливым преемником М.Е. Салтыкова-Щедрина (прежде всего как автора «Истории одного города») в отношении сатирического осмысления жизни государства. Традиции великого сатирика XIX века особенно ярко воплощены в социологическом романе А. Зиновьева «Зияющие высоты», они просматриваются также в социологической футурологической повести «Глобальный человек». Рассмотрим основные черты поэтики и проблематики названных произведений, свидетельствующие об их художественном родстве.

1. **Форма передачи событий от лица некоего повествователя / рассказчика.** Щедрин ссылается на записи летописцев («Глуповский Летописец»), обнаруженные в глуповском городском архиве, которые М.Е. Салтыков (Щедрин) лишь издаёт. А. Зиновьев в предисловии к «Зияющим высотам» поясняет происхождение произведения так: «Эта книга составлена из обрывков рукописи, найденных случайно, то есть без ведома начальства, на недавно открывшейся и вскоре заброшенной мусорной свалке» [2, с. 6]. «Глобальный человек» представляет собой нечто вроде дневника героя-рассказчика. Щедрин считал, что «маски» летописца и издателя дают ему как автору наибольшую свободу. По мнению критики, они становятся также способом выражения сатирической иронии [3,

с. 201]. Зиновьев использует такую форму в романе «Зияющие высоты» в качестве игры с читателем, а кроме того, подобный приём помогает писателю представить свои взгляды как типические для мыслящей интеллигенции. Ведь несомненно сходны мировоззренческие позиции Шизофреника, Клеветника, Болтуна, и в них отчётливо просматриваются авторские идеи. Они предстают то в трактатах, то в лекциях, то просто в размышлениях этих героев. В «Глобальном человеке» автор выбирает для себя «маску» героя, который, с одной стороны, является человеком XXI века, воспитанным в роботизированной школе и живущим в бездуховном мире, но, с другой стороны, отличается от большинства типичных западоидов тем, что самостоятельно мыслит и стремится к познанию действительности. «Маска» такого героя позволяет и посмотреть на мир западоидов изнутри, и оценить его объективно.

2. Можно отметить и сходство, правда неполное, в сфере **сюжетно-композиционного построения** произведений Щедрина и А. Зиновьева. Само название романа Щедрина на первый взгляд указывает на хроникальный принцип повествования: осмысливается *история* города Глупова, показываются её этапы, один градоначальник сменяется другим. В «Зияющих высотах» А. Зиновьева тоже есть элемент *диахронического* исследования: здесь выделяются периоды истории Ибанска. «История Ибанска распадается на три неравные половины» [4, с. 19]. Это период Потерянности (он соотносится с эпохой сталинизма), период Растерянности, или Случайный Растерянец («отте-

пель)), период Процветания («застой»). Но в основном и «Зияющие высоты», и «Глобальный человек» ориентированы на исследование *синхроническое*, на то, чтобы дать срез жизни общества, принцип организации социума. Однако ведь и Щедрин утверждал, что ему «нет дела до истории», что он имеет в виду настоящее и подвергает осмеянию «известный порядок вещей». Он даёт изображение градоначальников не по принципу реальной исторической хронологии, его принцип состоит в том, чтобы осветить наиболее полно основные аспекты социальной жизни России, разные типы власть имущих, взаимоотношения власти и народа. Отсюда – «нанизывание» глав, каждая из которых представляет собой отдельную «историю». В какой последовательности они выстроены – это с точки зрения исторической совершенно всё равно, так как в любом случае смена градоправителей не связана с исторической хронологией и развитием государства. По сути, все герои воплощают в себе современные для автора типы, а «историческая сатира», по словам самого Щедрина в письме в редакцию «Вестника Европы», является для него лишь формой художественного изложения, при этом он имел в виду в своём произведении не историческую сатиру, а вполне современную [5, с. 452]. А. Зиновьев в «Зияющих высотах» строит повествование по такому же принципу, правда, его роман производит впечатление большей отрывочности и мозаичности: пред нами то фрагмент рукописи Шизофреника, то лекция Клеветника, то разговоры у Молочного Ларька, где неизменно «собирается много народу, независимо от того, есть в Ларьке пиво (что бывает редко) или нет (что тоже бывает редко)» [2, с. 12]. В произведениях обоих авторов работает принцип «пазлов», в совокупности создающих целостную картину.

3. «Зияющие высоты» объединяет с «Историей одного города» ещё одна интересная черта поэтики – **условность хронологии**. В «Истории одного города» Щедрин от времён призвания русскими варяжских князей переносит в современную для него действительность. «Так, последний глуповский архивариус выражает опасение, как бы тетради не попали к Бартеневу, то есть не были бы напечатаны в журнале «Русский архив». («Русский архив начал выходить только в 1863 году)» [6, с. 24]. А. Зиновьев в своём социологическом романе переносит действие из эпохи «застоя» во времена Великой Отечественной войны, в период «оттепели», в эпоху создания «дармохозов» (коллективизации) и вновь свободно возвращается в 70-е годы

XX века. Такая «игра» со временем и у Щедрина, и у Зиновьева создаёт впечатление фантазмагии и усиливает комический эффект.

4. Жанровые признаки **антиутопии** просматриваются в произведениях и Щедрина, и Зиновьева. Антиутопия изображает такой «социальный проект», который, с одной стороны, характеризуется упорядоченностью и стабильностью, принципом равенства, но, с другой стороны, подразумевает под собой полный контроль государства над человеком, жёсткую организацию жизни, нивелировку личности. В принципе, такой же «социальный проект» характерен и для утопии, с той разницей, что утопист видит в нём преимущественно плюсы, не акцентируя внимание на минусах, а антиутопист, наоборот, наиболее убедительно показывает негативные стороны подобного социального устройства. Расцвет антиутопии пришёлся на XX век, но истоки этого жанра литературоведение в основном видит в литературе предшествующего столетия, в том числе в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина [7, с. 47; 8, с. 8]. В «Истории одного города» антиутопическая составляющая просматривается, пожалуй, наиболее отчётливо в главе, посвящённой деятельности Угрюм-Бурчеева. Его план превращения Глупова в военное поселение Непреклонск – это своего рода утопия. А антиутопия есть спор с утопией [9; 10], пародия на утопию [11, стб. 38]. Щедрин в данном случае сатирически изображает и пародирует аракчеевскую идею военных поселений. Он показывает максимально упорядоченную социальную систему, где жизнь обывателей расписана и контролируется до мелочей, вплоть до того, сколько людей и каких именно возрастов должно жить в каждой избе Непреклонска. Такой *тотальный контроль над жизнью населения* становится впоследствии типологической чертой «социального проекта» антиутопий XX века, в том числе и зиновьевских. В «Зияющих высотах», где пародируется социалистическая идея (а она была утопией в восприятии человека XIX века, в XX же реализовалась), сатирическое осмысление этого принципа является одним из лейтмотивов. Вспомним хотя бы эпизод торжественного открытия Мусорной Свалки под руководством Заведующего Ибанском (сокращённо – Заибана) или всеибанскую очередь, где стоят на одной ноге и меняют ногу в соответствии с командой. Даже оппозицией здесь руководят Органы Охраны Народа (ООН), а проявления социального протеста возможны только в установленном высшим руководством порядке. Когда же человеку приходит время умирать, то он должен

встать на очередь в Похоронном Бюро и получить жетончик в крематорий, а затем исполнить Инструкцию о Смерти, гласящую: «Уходя, заведи урну со своим прахом с собой» [4, с. 304]. В «Глобальном человеинике» (где пародируется западная и американская демократия, которая была своего рода утопией для диссидентов в СССР) повествуется о жизни Западного Союза (ЗС), где тоже всё происходит согласно расчёту, расписанию, даже оптимальное время для появления в семье ребёнка высчитывает компьютер, а желательные качества характера наследника программируются в «Центре проектирования детей». Поступая на работу в Мозговой центр (МЦ), герой-рассказчик Ал обнаруживает, что ему предписывается не участвовать в политических движениях, не разглашать информацию, заниматься спортом и спать строго определённое время, что проверяется «службой медицинского контроля» [12, с. 111]. Время от времени работник МЦ получает инструкцию о том, как он должен относиться к вновь возникшим партиям и движениям. Безусловно, всё это соотносится со взглядами Угрюм-Бурчеева, который задумал втиснуть весь видимый и невидимый мир в одну прямую линию, чтобы нельзя было ступить ни вправо, ни влево [5].

Неизбежным признаком антиутопического мира, с его тотальным контролем над личностью, становится *доносительство*. Угрюм-Бурчеев, например, задумывал Непрекклонск с таким расчётом, чтобы шпион был в каждом доме. В зиновьевском Ибанске любая социальная ячейка формируется и включается в социум лишь тогда, когда в ней появляется стукач. Например, в очереди, которая является качественно новой формой социальной организации ибанского народа, существует Агент, внедрённый в очередь ещё до своего рождения. В Мозговом Центре Запад-Сити у каждого сотрудника есть дублёр-компьютер, и когда главный герой Ал немного отступает от привычного графика общения со своим дублёром Ла, тот сразу же отсылает начальству отчёт об этом. Итак, мечты щедринского «мрачного идиота» реализуются в художественной действительности произведений А. Зиновьева. Как пишет Ал, антиутописты прошлого, которые живописали ужасающую действительность тоталитарных систем, даже предположить не могли, насколько страшно всё будет в реальности, причём страшно именно своей обыденностью.

5. Существенную роль и у Щедрина, и у Зиновьева играет гротескный **образ города**. В «Истории одного города» это Глупов, или Непрекклонск по версии Угрюм-Бурчеева. В

«Зияющих высотах» – Ибанск, в «Глобальном человеинике» – Запад-Сити. Эти города сходны по своей художественной сути: они представляют собой максимально обобщённые образы, *образы социумов*. Из этого проистекает такая особенность этих городов, как *неопределённость и даже противоречивость их пространственных и социальных характеристик*. Глупов, с одной стороны, предстаёт перед нами именно городом, со своими улицами, домами, с присутственными местами и т. д. Однако, с другой стороны, летописец отмечает, например, что Глупов граничит с Византией (отчего глуповские стада беспрестанно смешиваются с византийскими), т.е. создаётся уже образ государства. С одной стороны, глуповцы – чиновники, купцы, мещане, т.е. горожане, а с другой стороны, они пахут землю и пасут скот, т.е. речь идет о деревенских жителях. Такая «размытость» и кажущаяся противоречивость становится приёмом художественного обобщения и даёт понять читателю, что имеется в виду и город, и деревня, и Россия в целом [3, с. 206].

Точно так же и даже более неопределёнными у А. Зиновьева пространственные характеристики Ибанска, который является одновременно вымыслом и реальностью: «Ибанск есть никем не населённый населённый пункт, которого нет в действительности. А если бы он даже случайно был, то был бы чистым вымыслом. Во всяком случае, если он где-то возможен, то только не у нас в Ибанске» [2, с. 6]. Этот «населённый пункт» на первый взгляд характеризуется как посёлок городского типа, в котором существуют свои достопримечательности. Например, здание ИВАШП (Ибанской Военной Авиационной Школы Пилотов), перед главным фасадом которого воздвигнута трёхэтажная статуя Вождя «в ненатуральную величину». «Статуя была расположена так, что, куда бы курсант ни направлялся, он сталкивался с ней лицом к лицу <...> Когда разоблачили культ личности и ликвидировали все его последствия, Статую до поры до времени куда-то спрятали, на место её поставили обнажённый торс Ибанова. Но на это уже никто не обратил внимания» [2, с. 24]. Одной из достопримечательностей Ибанска является Сортир, строительство которого сначала не было запланировано, так как архитекторы «придерживались ошибочной теории Ибанова, согласно которой сортиры должны отмереть уже на первом этапе». Потом «старый сортир был разрушен, на его месте соорудили новый, с более высоким коэффициентом полезного действия и с более низкой себестоимостью выпускаемой продукции. В Школе после этого стали

различать две эпохи: эпоху старого и нового сортира» [2, с. 22, 25]. Существует здесь и речка Ибанючка, есть и Театр на Ибанке. Итак, перед нами город или посёлок городского типа. Но уже в предисловии создаётся впечатление о Ибанске как о некоем *социуме*: «Мусорная свалка играет в Ибанске совсем не ту роль, какую она играла в антагонистических обществах прошлого. Здесь это – одна из Великих строек социзма» [2, с. 6]. Население города под руководством Братии строит социзм (или ибанизм, или просто изм). В дальнейшем читатель узнает, что в Ибанске уже построен полный социзм, или псизм, а потом нам будет сообщено, что со временем на всей земле установили Ибанск.

В романе упоминается географическое положение Ибанска: он занимает почти всю сушу и граничит со всеми странами мира (как и в романе Щедрина Глупов граничит с Византией). Однако никто не может научно определить, где находится Ибанск. Этот вопрос мучил ибанцев, пока Учитель не догадался поставить проблему по-другому: «Её надо сформулировать так: как попасть в Ибанск? И тогда сразу станет ясно, что проблема банальна. Чтобы попасть в Ибанск, надо написать заявление, представить характеристику <...> вывернуть карманы и согласиться на всё. После того как вы это сделаете, вам уже не нужно будет знать, где находится Ибанск, ибо вы уже будете находиться в нём» [4, с. 18]. Итак, перед нами характеристика пространства не материального, а духовного; по сути, *Ибанск является художественным воплощением определённого типа общественного сознания, определённого образа мысли и образа жизни.*

Что касается Запад-Сити и Западного Союза в целом, то и их пространственные характеристики весьма «размыты». Как отмечает Ал, девять из десяти западоидов либо вообще не знают, что такое ЗС, либо имеют об этом совершенно нелепое представление. Например, американцы полагают, что ЗС располагается где-нибудь в Техасе, немцы считают, что ЗС – это Четвёртый рейх, а французы думают, что это общественная организация, которая ограничит наконец приток иностранцев во Францию. Западный Союз в повести «Глобальный человек» становится *художественным воплощением представлений автора о «глобальном обществе»*, к которому пришли США и страны Запада. А Запад-Сити – это *концентрированное воплощение социальных законов такого общества*, где жизнь механистична и лишена живых эмоций, где человек теоретически свободен, а практически закрепощен.

Как видим, образы Ибанска и Запад-Сити предстают перед читателем ещё более обобщёнными, чем образ Глупова.

6. Определённое сходство можно отметить и в построении **системы образов** анализируемых произведений. В «Истории одного города» основной принцип композиции образов определяется стремлением писателя рассмотреть наиболее значимые, с его точки зрения, *титы представителей власти* – отсюда и «Опись градоначальникам», и выбор сюжетно-композиционного построения. В «Зияющих высотах», в первой книге, этот принцип тоже отчасти просматривается: А. Зиновьев характеризует Хозяина (Сталина) и Хряка (Хрущёва). Но в дальнейшем, во второй книге, образы Заибанов сливаются в один тип – безликих, тупых и властолюбивых ничтожеств, различаются они лишь номерами. Как видим, со времён Щедрина «власти предрержащие» стали только однообразнее, с точки зрения А. Зиновьева.

В системах образов «Истории одного города» и «Зияющих высот» есть фигуры, которые *соотносятся с реальными историческими личностями*. У Щедрина, например, Угрюм-Бурчеев – довольно прозрачный намёк на Аракчеева, а Негодяев, «бывший гатчинский истопник», который размостил вымощенные его предшественниками улицы и настроил монументов из камня, – пародия на Павла I, разорившего Царское Село и перенёсшего резиденцию в Гатчину [3]. У Зиновьева писатель Правдец, например, – это А. Солженицын, поэт Распашонка, любимец молодёжи, Органов и американцев, – Е. Евтушенко, а скульптор Мазила – Э. Неизвестный. Но и у Щедрина, и у Зиновьева значение образов героев *не исчерпывается историческими аналогиями*: писатели ставят перед собой задачу прежде всего отразить определённые социальные типы, поэтому большинство героев и в том, и в другом случае не могут быть привязаны к конкретным историческим личностям или же, наоборот, могут ассоциироваться с самыми разными деятелями.

Один из приёмов создания образов у обоих писателей – *«говорящие» имена*: Грустилов, Негодяев, Перехват-Залихватский – у Щедрина; Болтун, Неврастеник, Троглодит – у Зиновьева. Однако стоит заметить, что в «Зияющих высотах» имя может не только давать представление об особенностях личности, но и отражать восприятие человека обществом – таковы имена Шизофреник, Клеветник, Двурешник; имя, наконец, может быть обозначением социальной позиции или должности: Сотрудник, Претендент, Инструктор, Режиссёр и т. п.

Система образов произведений Щедрина и Зиновьева ориентирована на *изображение как власти, так и населения*. В «Истории одного города» образы градоначальников не были бы такими убедительными, если бы автор не показал взаимоотношения градоправителей и глуповцев. И сатира Щедрина направлена не только на социальную верхушку, но и на тех, кто безропотно подчиняется «мрачным идиотам», проявляя начальстволюбие. Однако произведение Щедрина всё же в основном *ориентировано на социальный анализ в отношении «властей предрержащих»*, поэтому глуповцы чаще всего представляют собой некую безликую массу. Лишь изредка появляются индивидуализированные образы: правдоискатель Евсеич, мечтатель и идеалист Ионка Козырь.

А. Зиновьев, как и Щедрин, изображает и представителей власти, и обычных людей, и его сатира тоже является двояко направленной: авторский смех выявляет ничтожество Хозяина, Хряка и последующих Заибанов, но также и начальстволюбие ибанцев, которые не просто всю жизнь стоят в очереди и смиряются с этим, но даже привыкли стоять на одной ноге. Однако при таком подходе, в отличие от Щедрина, Зиновьев по преимуществу стремится наиболее полно изобразить не столько социальную верхушку, сколько *представителей населения*, поэтому большинство героев и в «Зияющих высотах», и в «Глобальном человеичике» – это служащие, представители интеллигенции, обыватели. Рискнём предположить: это связано с тем, что в восприятии А. Зиновьева «власти предрержащие» безлики и однообразны гораздо в большей степени, чем были в эпоху Щедрина, а вот обычные люди, в отличие от щедринских глуповцев, всё же в большинстве случаев индивидуальны, наделены способностью думать и выражать свою позицию. Таковы, например, Крикун, Правдец, Шизофреник в «Зияющих высотах» или Ал, Нор, Фил в «Глобальном человеичике».

Что касается «властей предрержащих», то они практически одинаково *бездарны* в восприятии обоих писателей. Образ Заибана в «Зияющих высотах» прямо соотносится с образом Органчика в «Истории одного города». Если Органчик был способен произносить только «Разорю!» и «Не потерплю!», то в «Зияющих высотах» Хозяин подавился цитатой, а один из следующих Заибанов вывихнул челюсть, пытаясь произнести слово «межконтинентальная». Если Органчик оказывается неким гротескным гибридом человека и механизма, то Заибан почти ничем не отличается от копирующих его робо-

тов, разъезжающих в сверхбронированных машинах: «Никто не знал, в какой сидел настоящий Заибан, так как Роботы-Заибаны, сидевшие в прочих машинах, ничем от него не отличались. Единственное, чего они не могли делать, – это то, что делал настоящий Заибан в Сортире. Сидя в Сортире, Заибан помимо того, что не могли делать Роботы, читал речи. Сортирные речи Заибана пользовались особой любовью народа и издавались такими неслыханными тиражами, что от них не стало прохода по улицам. Тогда их стали продавать в нагрузку ко всем прочим продуктам» [4, с. 233]. Глуповцы смиренно выслушивают «речи» Органчика – ибанцы вынуждены читать речи Заибана, изучать их в кружках и сдавать по ним зачёты. В «Глобальном человеичике» Номер Один (высший руководитель ЗС) даёт распоряжение пересадить себе участок мозга талантливого студента, но впоследствии оказывается, что мозг умного человека не приживается в голове Номера Один, так как неадекватен его способностям и потребностям, ему более соответствует мозг заурядного грабителя и убийцы.

В системе образов произведений и Щедрина, и Зиновьева есть *личность, противостоящая власти* (характерный признак системы образов антиутопии), причём судьба такой личности и там, и здесь трагична. В «Истории одного города» Евсеич пытается напомнить градоначальнику Фердыщенко о правде, но не успевает даже довести свою речь до конца, как оказывается закованным в кандалы. В «Зияющих высотах» многие герои в душе противостоят «ибанизму» (государственной идеологии Ибанска), и некоторые даже выражают это в книгах, лекциях, разговорах, но не предпринимают каких-либо действий. Тем не менее они терпят притеснения (Клеветник, Двурешник), становятся жертвами репрессий (Учитель, Болтун). Лишь Крикун ставит перед собой цель бороться с «ибанизмом» любой ценой, и в финале романа он «приговорён к лечению» и обречён на гибель. В «Глобальном человеичике» такие герои, как Фил или Нор, обладающие аналитическим умом и способностью независимо мыслить, в душе противостоят «западнизму» (государственной идеологии ЗС), но в практической деятельности полностью подчинены ему. Однако даже в этом случае им не гарантирована безопасность: Фил, например, уже предвидит, что о нём «забываются» и «приговорят к лечению» (как и ибанского Крикуна). Ал, герой-рассказчик, решает для себя, что он использует положение сотрудника МЦ для того, чтобы выработать человеческий, а не компьютерный способ миропонима-

ния, и тем самым будет противостоять бесчеловечной цивилизации западоидов. Как сложится его судьба – вопрос открытый, как и финал произведения.

7. Затрагивая тему судьбы личности, противостоящей государственной идеологии, в произведениях Щедрина и Зиновьева, нельзя не отметить несомненное сходство авторских взглядов на **отношение народа к подобной личности**. В «Истории одного города» глуповцы во время страшного голода выбирают Евсеича в качестве своего представителя, чтобы он отправился к градоначальнику Фердыщенко «напомнить о правде». Когда же Евсеича везут на съезжую в кандалах, то глуповское население провожает его утешением: «Небось, Евсеич, небось! С правдой тебе везде будет жить хорошо!» [5, с. 314]. В «Зияющих высотах» Крикун, последовательно боровшийся с ибанской социальной системой, в конечном итоге арестован, но этого даже никто не замечает, в жизни общества ничего не меняется: «Над Ибанском всходило Солнце, освещая зияющие высоты наступающего изма и пробуждающийся к мирному труду довольный ибанский народ» [2, с. 205]. Впоследствии Брат, Социолог и Сослуживец сочувственно вздыхают о его судьбе, а Мазила, который, будучи знакомым с влиятельными людьми, мог бы попытаться помочь Крикуну, отказывается вмешиваться, считая это не своим делом. В «Глобальном человеинике» Фил рассказывает главному герою, что сотрудников, которые не могут больше выдерживать узаконенную ложь, фальшивую демократию и т. п., отправляют «на отдых» в «психологический профилакторий» для соответствующего «лечения» или же о них «заботятся», после чего они просто исчезают (Фил предполагает, что его ждёт именно такая участь). А окружающие спокойно это переживают, могут даже не заметить, и это неудивительно для общества западоидов, где основным социальным законом стало равнодушие людей друг к другу. Итак, *пассивное сочувствие глуповцев XIX века сменяется формальным сочувствием ибанцев XX века, а в дальнейшем – холодным безразличием в обществе западоидов* («Глобальный человеиник» – это зиновьевский прогноз на будущее).

8. Ещё одна параллель, существующая, на наш взгляд, в произведениях Щедрина и Зиновьева, – это **соотношение финалов**. Оба писателя выстраивают финалы в соответствии со своим представлением о *бесперспективности тоталитарного строя жизни*: во всех трёх случаях констатируется неизбежность его разрушения, гибели. Если мы обратимся к «Исто-

рии одного города», то увидим, что перелом в мирозерцании глуповцев привёл к исчезновению глуповского мира с лица земли. Заметим, что когда-то именно бестолковая и абсурдная суть мировосприятия головоотяпов привела к созданию города Глупова: они фактически принесли свою свободу к ногам князя, с чего и началась история «страны рабов, страны господ» (используем лермонтовское выражение). В финале же настал предел даже глуповскому начальстволюбию. Когда обыватели прозрели и почувствовали, насколько абсурдно подчиняться «мрачному идиоту», то ОНО пришло (некое материальное воплощение волны народного возмущения), и страшный вихрь смёл всё на своём пути.

У Зиновьева идея несколько более сложна. В «Зияющих высотах» о происхождении Ибанска сведения противоречивы, что вполне согласуется с «поэтикой абсурда» этого романа: сначала говорится, что Ибанск породила фантазия Шизофреника, который вообще может из любых исходных данных вывести любое социальное устройство, затем же упоминается, что Ибанск выдумал Болтун. А впоследствии именно этот герой его и уничтожает: «Я породил этот шизофренический мир. Я его и уничтожу. Причём по законам самого этого мира. Я уничтожу себя» [4, с. 295]. И действительно, со смертью Болтуна «наступил конец всему». Как сказал бы Щедрин, «история прекратила течение своё». Такой финал символичен. Образ Ибанска, как уже говорились выше, является художественным выражением определённого типа общественного сознания. Таким образом, Ибанск существует, скорее, не в физическом пространстве, а в сознании людей. Когда они придут к пониманию бесперспективности ибанизма, то этот «шизофренический» мир будет уничтожен. Причём если гибель Глупова художественно осмыслена как следствие действия какой-то *внешней* силы – урагана, вихря, смерча, то Ибанск уничтожается *«изнутри»*. То же можно сказать и о мире западоидов. Эта «раса господ» создала математически выверенный, компьютеризированный и бесчеловечный образ жизни, но это, по мысли героя-рассказчика и автора, как раз и приведёт западный мир к саморазрушению. Однако если Глупов и Ибанск исчезают с лица земли вследствие *прозрения* людей, осознания ими абсурдности своей жизни, то Глобальное Общество и его основа – ЗС – обречены погибнуть, по мнению А. Зиновьева, из-за упорства в своём *зablуждении*. Не понимая в большинстве своём, к чему на самом деле ведёт их «прогресс», они заходят всё дальше по пути

к самоуничтожению. Как говорил в «Зияющих высотах» последний Заибан, «мы идём вперёд, намного опережая свой зад» [4, с. 302].

Итак, сопоставление проблематики, а также поэтики «Истории одного города», «Зияющих высот» и «Глобального человеконика» доказывает близость творческих принципов и художественной концепции государства Щедрина и Зиновьева. Те тенденции, которые были отмечены Щедриным в конце XIX века, нашли своё логическое завершение в конце XX века, причём, согласно зиновьевским идеям, это завершение во многом гораздо более уродливое и трагикомичное, чем предполагал автор «Истории одного города».

Список литературы

1. Амбарцумов Е. Не кривил душой, не приспосабливался... (Интервью с Александром Зиновьевым) // Зиновьев А.А. Зияющие высоты: В 2 кн. Кн. 2. М.: ПИК, 1990. 320 с.
2. Зиновьев А.А. Зияющие высоты: В 2 кн. Кн. 1. М.: ПИК, 1990. 318 с.
3. Николаев Д. «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Бочаров С. «Война и мир» Л.Н. Толстого. Кожин В. «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского. Николаев Д. «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина. М.: Художественная литература, 1971. С. 187–304.
4. Зиновьев А.А. Зияющие высоты: В 2 кн. Кн. 2. М.: ПИК, 1990. 320 с.
5. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1969. 614 с.
6. Малкин В. М.Е. Салтыков-Щедрин. М.: Знание, 1976. 64 с.
7. Ланин Б.А., Боришанская М.М. Русская антиутопия XX в. М.: ТОО «Онега», 1994. 248 с.
8. Юрьева Л.М. Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 320 с.
9. Баталов Э.Я. В мире утопии. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
10. Зверев А. Когда пробьёт последний час природы. Антиутопия XX в. // Вопросы литературы 1989. № 1. С. 30–35.
11. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интервалк», 2003. 1600 стб.
12. Зиновьев А.А. Глобальный человеконик. М.: Центрполиграф, 2000. 459 с.

TRADITIONS OF M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN IN A.A. ZINOVEV'S CREATIVE WORK

O.S. Sukhikh

The article explores the traditions of “The History of One Town” by M.E. Saltykov-Shedrin in A.A. Zinovev’s literary legacy. The author concludes that the writers exhibit considerable similarities in both style and subject.

Keywords: traditions, satire, state, personality, anti-utopia, the image of a city.